

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Заостровцев

Об историческо-
институциональных
причинах отставания
в развитии: концепция
Асемоглу — Робинсона

Препринт М-34/13

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2013

Заостровцев А. П.

329 Об историческо-институциональных причинах отставания в развитии: концепция Асемоглу — Робинсона / Андрей Заостровцев: Препринт М-34/13. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 40 с. — (Серия препринтов; М-34/13; Центр исследований модернизации).

В препринте рассмотрен всесторонний анализ причин отсталости стран, представленный в концепции известных американских экономистов Дарона Асемоглу и Джеймса Робинсона.

В качестве первопричины отсталости они отмечают культурные и географические факторы и выделяют роль институтов, в первую очередь политических. Асемоглу и Робинсон видят первопричину устойчивого развития в так называемых инклюзивных институтах, которые применительно к политическим институтам означают наличие гарантий прав собственности, верховенство права и обеспечение участия масс в политических решениях. В этой связи они, в отличие от большинства экономистов, скептически оценивают перспективы продолжения экономического роста в Китае в течение длительного времени. Автор препринта раскрывает для читателя методологию Асемоглу — Робинсона, их представления о ходе исторического процесса, колониальном происхождении многих, негативно отражающихся на развитии, институтов (так называемых экстрактивных институтов) в Африке, о природе «порочного круга» и «железного закона олигархии». Препринт представляет интерес для всех занимающихся экономикой развития и вопросами глобального неравенства стран.

Информация об авторе: Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики — Санкт-Петербург (zao-and@yandex.ru).

Введение

Дарон Асемоглу (1967) — один из самых известных в мире американских экономистов, который входит в десятку наиболее цитируемых в мире. В 2005 г. награжден медалью имени Джона Бейтса Кларка, которая ежегодно официально вручается лучшему молодому экономисту США (до 40 лет), а неофициально рассматривается как молодежная Нобелевская премия по экономике.

Родился и вырос Асемоглу в Турции, в Стамбуле, в семье армянского происхождения. Высшее экономическое образование получал в Великобритании, потом преподавал в Лондонской школе экономики. В настоящее время — профессор Массачусетского технологического института. Признан крупнейшим специалистом в области современной политической экономии и экономики развития.

После многочисленных публикаций в ведущих академических журналах по вопросам роли институтов в экономическом развитии, Асемоглу вместе со своим постоянным соавтором Джеймсом Робинсоном¹ выпустил в 2012 г. книгу «Почему страны терпят неудачи: источники власти, процветания и бедности» (Acemoglu, Robinson 2012), которая по своему замыслу ничуть не уступает книге Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста «Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» (North et al. 2009; в рус. пер.: Норт

---

¹ Джеймс Робинсон выпускник Лондонской школы экономики. В настоящее время — профессор государственного управления в Гарвардском университете, до перехода в Гарвард был профессором факультета экономики и политических наук в Университете Беркли (Калифорния).

и др. 2011). В работе Асемоглу и Робинсона (далее — АиР) тоже, по сути, предпринимается попытка понять историю человечества. Отвечая на вынесенный в заглавие книги вопрос, они уходят в историю древних цивилизаций и даже неолита. Однако, конечно, их, прежде всего, волнует современное глобальное неравенство стран и регионов Земли.

В нашем исследовании подробно раскрывается одна сторона их работы, а именно: в чем природа отсталости стран? Иначе говоря, они в своем фундаментальном политико-экономическом и историческом труде отвечают, в частности, на вопрос: «Почему Россия не Америка?». Однако, в отличие от полковника погранслужбы Андрея Паршева, издавшего в 1999 г. популярную книгу с таким названием (Паршев 1999), они дают ответ не дилетантский, а на уровне современных научных знаний (и даже расширяя их).

Концепция исторического развития АиР выдвигает на первый план в качестве объясняющего фактора состояние институтов. В этом их подход близок подходу представителей новой институциональной экономической истории (Норт и др.). Если, как известно, для Норта «институты имеют значение», то для АиР институты, в сущности, определяют всё. Как мы увидим, они не принимают иных объяснений развития и отсталости (с позиций географии, культуры и др.).

Решающую роль, согласно их видению мира, играют политические институты. Здесь прослеживается характерная тенденция последних лет, когда экономисты делают упор не на чисто экономические факторы, а на распределение власти в обществе, организацию насилия. По всей видимости, это — движение в верном направлении, поскольку реальная история показывает, что сами по себе экономические отношения (торговля, кредитование, разные способы получения доходов) должны вписываться в определенную политическую среду и, более того, во многом их состояние зависит от нее. И если в современных развитых странах с их верховенством закона этот факт не очень заметен, и, даже, можно сказать, скрыт (отсюда обывательское суждение о том, что, мол, «деньги решают все»), то в странах, где собственность и власть слиты, а право существует, прежде всего, как инструмент реализации интересов власть имущих, он выходит наружу. Такие социальные порядки заставляют вспомнить переводное стихотворение Александра Пушкина про «золото и булат»².

Впрочем, от слов о взглядах АиР на институты и их роль в историческом процессе есть смысл перейти непосредственно к их представлению. И начать это представление можно с их ответа на поставленный ниже вопрос.

---

² «“Все мое”, — сказала злато;/ “Все мое”, — сказал булат;/ “Все куплю”, — сказала злато;/ “Все возьму”, — сказал булат» (Пушкин 1959: 164).

Какие теории не работают?

АиР изначально, до развернутого изложения собственных взглядов, подвергают критическому анализу три теории, объясняющие природу развития и отсталости (глобального неравенства) стран и народов. Первой по порядку оказывается концепция, которую в России привычно называют географическим детерминизмом. Она явно не нова: возникла еще в XVIII в. и ее основоположником был знаменитый французский мыслитель Шарль-Луи Монтескьё. Вместе с тем она демонстрирует удивительную живучесть и в начале XXI в.: американский экономист Джеффри Сакс, обретший мировую славу как автор жесткой макроэкономической политики (так называемой шоковой терапии), разработал ее модифицированный вариант (Sachs 2005.; в рус. пер.: Сакс 2011). Его-то и опровергают АиР (Acemoglu, Robinson 2012: 48–56).

Сакс относит отсталость и неспособность к успешному развитию на счет двух факторов: во-первых, это тропические болезни и в особенности малярия; во-вторых, это низкая продуктивность почв в тропических широтах. Отсюда страны, расположенные в тропических и близких к ним районах, обречены на отсталость по сравнению со странами с умеренным климатом. АиР приводят целый ряд фактов, указывающих на слабость и необоснованность аргументов Сакса.

Прежде всего, если обратиться к истории, то очень многое в прошлом выглядит ровно наоборот: земледелие зародилось на Ближнем Востоке (Месопотамия, междуречье Тигра и Евфрата), в Древнем Египте (долина Нила). Эти районы далеки от территорий с умеренным климатом, где в те времена господствовали охота и собирательство. Однако наиболее убедительным опровержением «догм Сакса», на взгляд АиР, является история Америки. В эпоху ее открытия самыми развитыми ее регионами были земли, занимаемые цивилизациями ацтеков и майя, тогда как в зонах с умеренным климатом, как в Северной, так и в Южной Америке, обитали племена с очень примитивными хозяйственными и культурными навыками. В настоящее время Северная Америка значительно опережает Южную, но такая трансформация произошла без климатических изменений.

Развивая историческую линию рассуждений, авторы вспоминают о том, что цивилизации Древней Индии и Китая значительно опережали современную им Европу эпохи раннего средневековья. И уж тем более — племена, заселявшие, скажем, Новую Зеландию. Картину, аналогичную американской, может представить и история Африки. В доколониальный период ее тропическая зона дает пример возникновения первых государств на континенте, тогда как сравнительно умеренный климат юга Африки не привел ее слаборазвитые племена к созданию государственности. И опять же, в наши дни юг Африки (ЮАР) куда более развит, чем ее тропическая часть.

Современный мир представляет собой картину глобального неравенства, очень непохожую на ту, которая может отвечать теории Сакса. Сингапур и Малайзия не относятся к странам с умеренным климатом. Ссылками на климат невозможно объяснить разрывы между Западной и Восточной Германией во второй половине XX в., Северной и Южной Кореей в конце XX — начале XXI в. И конечно, тот самый, поделенный на две части, город Ногалес, с которого АиР начинают свое повествование, представляет собой «город контрастов» отнюдь не из-за различий в климате.

В противовес ссылкам Сакса на бедность почв в тропиках, АиР выдвигают тезис, согласно которому расхождение в уровне развития (то, что обычно именуется Великим расхождением) началось с XIX в. и в основе его лежало вовсе не сельское хозяйство, а неравное распространение промышленных технологий и производств. Иначе говоря, почвы и их плодородие здесь вообще ни при чем. Если же говорить о сельском хозяйстве, то АиР показывают, что в одной и той же климатической зоне различия в его продуктивности есть результат стимулов (или их отсутствия), вытекающих из структуры собственности и институтов. И именно их различия порождают контраст между двумя территориями в Конго — Леле и Бушонг, расположенными напротив друг друга на берегах одноименной реки³.

В рамках все того же географического детерминизма находится и отличная от саксовской концепция биолога-эволюциониста Джаред Даймонда (Diamond 1997; в рус. пер.: Даймонд 2012). Согласно его воззрению, расхождение в развитии континентов было заложено в самом начале современности, примерно 500 лет назад, и природа его заключается в неодинаковой исторической наделенности растениями и особями животных, что впоследствии повлияло на сельскохозяйственную продуктивность. По Даймонду, разная наделенность животными и растениями породила дифференциацию в интенсивности сельхозпроизводства, которая, в свою очередь, привела к разным путям технологических изменений и расхождению благосостояния континентов.

АиР опять же подчеркивают, что идеи Даймонда не могут быть распространены на современный мир (Acemoglu, Robinson 2012: 52–53). Так, например, он полагает, что испанцы были в состоянии доминировать над цивилизациями Южной Америки по причине их более длительного знакомства с земледелием и, как следствие, превосходящих технологий. В качестве возражения ему указывается на то обстоятельство, что в период покорения нового континента доход испанца в среднем был примерно вдвое больше аналогичного показателя жителя империи инков или ацтеков. Однако в

---

³ Подробнее об истории Леле и Бушонга см.: Acemoglu, Robinson 2012: 133–136.

дальнейшем, несмотря на распространение испанских технологий, разрыв не сокращался, а только увеличивался. В настоящее время среднедушевой ВВП испанца превосходит таковой в Перу в 6 раз. Короче говоря, концепция Даймонда совсем не объясняет, почему в принципе доступные всем технологии распространялись в одних частях света гораздо быстрее, чем в других; причем это верно как для эпохи пара, так и для эпохи электричества и информационных продуктов.

Для Даймонда большое значение имеет географическая ориентация континентов. Он полагает, что ориентация Евразии с востока на запад способствовала распространению растений, животных и инноваций с так называемого плодородного полумесяца (современного Ближнего Востока) в Западную Европу, тогда как ориентация американского континента с севера на юг препятствовала, например, распространению письменности из Мексики в Анды или в Северную Америку. АиР снова настаивают, что все это не объясняет нынешних разрывов в развитии. Причем они значительно больше, чем были в прошлом. Кроме того, даже если обратиться к прошлому, то как географическая ориентация Евразии может объяснить факт начала промышленной революции в Англии? И наконец, каким образом география может объяснить то, что стагнировавшие в течение столетий экономики Японии и Китая вдруг начали очень быстро расти?

АиР приходят к заключению, что нужна лучшая теория. Может ли таковой быть та, что объясняет разрывы между странами различиями в культуре? Если географический детерминизм опирается на Монтескье, то в данном случае отцом «культурного детерминизма» оказывается Макс Вебер с его упором на позитивную роль протестантской этики. АиР обращают внимание, что нынешние «культуроцентристы» выделяют далеко не только религию, но и нормы, ценности, рабочую этику и т. п. Например, по мнению автора препринта, Дуглас Норт явно склонен к утверждениям о решающей роле культуры в детерминации развития и отсталости (Заостровцев 2013). Этой точки зрения в той или иной мере придерживаются и другие исследователи⁴.

В книге «Почему страны терпят неудачи?» культурная гипотеза не отбрасывается с порога. Однако она недвусмысленно выносится на периферию. Согласно АиР, все дело в том, что относящиеся к культуре социальные нор-

---

⁴ Наибольшей известностью в России пользуются работы социологов Лоуренса Харрисона и Рональда Инглхарта (Харрисон 2008а, 2008б; Инглхарт, Вельцель 2011). На культуру делает ставку и австралийский экономист Дэвид Тросби (Тросби 2013). В дискуссии о культуре, описанной автором препринта (Заостровцев 2013: 27), в частности, принимал участие и соавтор Асемоглу Джеймс Робинсон (Robinson 2006). Естественно, на стороне противников «культурного детерминизма».

мы действительно имеют значение, но в качестве производных от институтов. Скажем, низкий уровень доверия в обществе не есть независимый фактор, а следствие того, что люди не верят правительствам, не придерживающимся собственных законов и не способным обеспечить непредвзятую судебную систему.

И снова авторы обращаются к примеру Северной и Южной Кореи. Контрасты между ними не могут определять не только географические, но также и культурные особенности. Их культурные отличия — не причина разрыва в благосостоянии, а скорее следствие (как и между двумя частями Ногалеса). Что касается Африки, то и тут природа отсталости кроется не в некоей особой «африканской культуре», а в отсутствии стимулов внедрять новые технологии. Высок был риск того, что всемогущий правитель экспроприрует весь выпуск или подвергнет его конфискационному налогообложению. Вряд ли в таких условиях могли появляться побудительные мотивы для долгосрочных инвестиций.

Возвращаясь к Веберу, АиР не видят связи между религией и уровнем развития. Совершенно очевидно, что успехи ряда стран Юго-Восточной Азии никак не связаны ни с одной из ветвей христианства. Далее авторы обращаются к излюбленному региону сторонников культурного детерминизма — Ближнему Востоку. На первый взгляд тот факт, что многие страны региона бедны, а богатые обязаны своим богатством исключительно мировым ценам на нефть и газ, без которых они находились бы в столь же плачевном состоянии, говорит в их пользу. На самом же деле, как считают АиР, ислам тут ни при чем. Решающее значение имеет тот факт, что все они — части бывшей Османской империи, унаследовавшие ее плохие институты. Европейское влияние тоже делало ставку на эти институты, основы которых во многом сохранились и после обретения независимости (Acemoglu, Robinson 2012: 61).

АиР касаются и вопроса о «национальной культуре» (Ibid.: 62–63). Возможно, именно она, а не религии, имеет первостепенное значение? Однако что изменилось в китайской культуре, в китайских ценностях, когда стагнация на протяжении нескольких веков сменилась быстрыми темпами экономического роста КНР, продолжающегося уже третье десятилетие? А несколько ранее этот же путь прошел Тайвань.

Кроме того, различия в культуре не могут объяснить и разделение на более развитые и менее развитые страны в рамках одного континента. Испанское наследие у всех стран Латинской Америки примерно одно и то же («иберийская культура»), но сегодня мы видим довольно значительные контрасты в продвижении к благосостоянию между Чили и Перу, Аргентиной и Боливией. Население Колумбии, Эквадора и Перу имеют примерно одинаковый уровень дохода, но процент коренного населения как носителей культуры аборигенов в последних двух заметно выше.

В общем и целом АиР приходят к выводу, что культура — это следствие институтов. При этом они, прежде чем непосредственно приступить к их анализу, выделяют еще одну гипотезу, с помощью которой другие исследователи пытаются понять природу отсталости. Это — гипотеза о незнании (Ibid.: 63–68).

Заключается она в допущении, что глобальное неравенство существует потому, что эксперты и/или правители не знают, как сделать бедные страны богатыми. Данный тезис разделяется преимущественно экономистами. Авторы связывают этот факт со знаменитым определением экономической науки английским экономистом Лайонеллом Роббинсом в 1935 г., когда он провозгласил ее как науку, изучающую человеческие отношения в виде отношений между целями и редкими ресурсами, имеющими альтернативное использование (Robbins 1935: 15). Это определение многократно воспроизводилось во множестве учебников и действительно стало для экономистов чем-то вроде того, чем первый закон Ньютона является для физиков. Из него, как отмечают АиР, очень легко заключить, что экономическая наука должна сосредоточиться на проблеме лучшего использования ресурсов ради решения общественных задач (Acemoglu, Robinson 2012: 64).

Для понимания основ рассматриваемой гипотезы АиР приводят краткое описание видения проблемы экономистами. Она связывается с хорошо известной концепцией «провалов рынка». Под ними понимаются все состояния, когда рынки не в состоянии обеспечить эффективность⁵. Эти провалы «ответственны» за отсталость: бедные страны остаются таковыми, поскольку им присущи множественные провалы рынка, а экономисты и политики не знают, как от них избавиться. Богатые же страны потому богаты, что выбирают оптимальные политики и благодаря им успешно устраняют эти провалы.

АиР утверждают, что, вопреки гипотезе о незнании, последнее в лучшем случае способно объяснить незначительную часть проблемы неравенства. Многое показывает их пример с Ганой (Ibid.: 66–67). Правительство Кваме Нкрума после обретения независимости (в конце 50-х и в 60-е гг. XX в.) сосредоточилось на развитии государственной промышленности, сопровождавшейся крайне неэффективным размещением предприятий. При этом оно получало советы от британского экономиста Тони Киллика и даже от нобелевского лауреата по экономике Артура Льюиса, которые видели, что

---

⁵ Под эффективностью экономисты понимают Парето-эффективность (названную так в честь сформулировавшего ее критерий итальянского экономиста и социолога Вильфреда Парето). Прямым ее следствием является то, что в экономике реализуется первой теоремой экономики благосостояния: согласно ей, идеальные конкурентные рынки обеспечивают максимум общественного благосостояния при данных располагаемых ресурсах.

решения Нкрумы не приведут ни к чему хорошему. Политика Нкрумы была такой, какой она была, поскольку он использовал ее для политической поддержки и сохранения своего недемократического режима.

Политический противник Нкрумы — премьер-министр Кофи Бусиа (1969–1972)⁶ также следовал экспансионистской экономической политике, поддерживал контроль за ценами на продовольствие и переоцененную национальную валюту. Эти действия были хорошей политикой, помогавшей обеспечивать пребывание у власти, поскольку они передавали ресурсы влиятельным группам элиты, сосредоточенным в городах. Когда же Бусиа последовал совету МВФ и девальвировал валюту, хотя и признавал связанные с этим политические риски, то вскоре был свергнут военными, свернувшими девальвацию.

Выводы, к которым приходят АиР, можно кратко сформулировать следующим образом. Во-первых, все то, что необходимо для «правильной» экономики и роста благосостояния широких слоев, не является загадкой. Благонамеренные правительства (будь они действительно таковыми) давно выучили бы правила «хорошего поведения» и воплощали их в жизнь.

Во-вторых, следование рекомендациям, обеспечивающим набор условий для экономического развития, во многих странах не является политикой, отвечающей интересам правящей элиты. Ее устраивают совсем иные условия, которые, будучи тормозом для экономики (например, регулярные нарушения прав собственности), приносят ей немалые выгоды за счет других. Отказ от следования этим «иным условиям» чреват политическими рисками (пример Бусиа)⁷.

В итоге не знание является проблемой. Проблемой часто является именно знание того, как надо делать, и, главное, стремление политика следовать этому знанию на практике. Этот тезис АиР получил дальнейшее

---

⁶ Нкрума потерял власть в результате переворота в 1966 г.

⁷ Тут уместно вспомнить слова одного из основоположников классического либерализма, французского экономиста первой половины XIX в. Фредерика Бастиа: «Государство — это громадная фикция, посредством которой все стараются жить за счет всех» (Сэй, Бастиа, 2000, 125). Из современных авторов стоит также обратить внимание на книгу Буэно де Мескита с соавт., где разработанная ими теория коалиций и селектората ограничивает вывод Бастиа ситуациями с узкими выигрывающими коалициями и подкрепляет точку зрения АиР: «Хорошая политика — это плохая политика, а плохая политика — эта хорошая политика для лидеров малых коалиций» (Bueno de Mesquita et al. 2003: 325). Дело в том, что лидеры, опирающиеся на узкую коалицию, более всего укрепляют свои позиции во власти за счет раздачи ее членам частных благ (коррупции). Для них было бы стратегической ошибкой заботиться о благосостоянии всех граждан, если они хотят оставаться у власти как можно дольше (Ibid.).

развитие как в рассматриваемой книге, так и в специальной статье, посвященной конфликту между экономически оправданными шагами и их удручающими политическими последствиями (Acemoglu, Robinson 2013).

Близкие, но далекие

На протяжении всей книги АиР ссылаются на пример Ногалеса. Имя этого города, разделенного на две части границей между США и Мексикой, стало у авторов буквально нарицательным. Благополучный американский север и далеко не благополучный мексиканский юг города символизируют два различных мира. (Жителям Европы, наверное, сразу приходит в голову исторический пример Западного и Восточного Берлина). Что же сделало жизнь людей в разрезанном границей Ногалесе столь непохожей?

Для АиР пример этот ценен тем, что здесь не может быть речи о климатических, географических различиях и даже различиях в типах микробов, которые, как известно, могут свободно пересекать любые границы⁸. Может быть, все дело в том, что север представляет культуру выходцев из Европы, а юг — культуру, являющуюся наследием ацтеков? Но, к удовлетворению АиР, культурный аргумент здесь явно не работает, ибо город вошел в состав США только в 1853 г. Этнически и культурно его население гораздо ближе к населению всей остальной Мексики.

Согласно АиР, объяснение всех различий в уровне жизни, образования и проч. заключается только в одном: Ногалес (тот, что в Аризоне) находится на территории США. В результате его жители имеют доступ к американским экономическим и политическим институтам: «Они живут в другом мире, формируемом другими институтами» (Acemoglu, Robinson 2012: 9)⁹.

Откуда же пошло столь принципиальное различие институтов? Тут АиР вынуждены обратиться к истории колонизации американского континента. Подобно Д. Норту с соавт. (North et al. 2000), они обращаются к испанскому завоеванию американского континента, однако смотрят на него под иным

---

⁸ Очевидно, что упоминание о свободно перемещающихся через границу микробах — прямой иронический намек на упомянутую выше работу биолога Даймонда.

⁹ Сакс, в ответе на критику АиР, не отрицая значения институтов, отстаивает собственный взгляд на развитие и отсталость, который можно кратко сформулировать как «география имеет значение». В частности, он выдвигает аргументы в пользу того, что в случае с Ногалесом как раз его расположение на границе с США имеет решающее значение. Иначе этот город в пустыне вообще не существовал бы. И, кроме всего прочего, ситуация вокруг Ногалеса «не может ничего сказать о том, почему Мексика в целом беднее, чем США» (Sachs 2012: 148).

углом зрения. Они, как правило, не связывают особенности колониальных институтов с институциональной средой метрополии, а смотрят только на особенности институтов, утвердившихся «на месте», в процессе самой колонизации. Если же говорить об их корнях, то скорее можно утверждать о заимствовании и приспособлении к своим нуждам ряда местных институтов, чем об импорте институтов из Испании. Хотя и нет правила без исключения.

Одним из таких исключений являлась энкомьенда (исп. *encomienda*, букв. — попечение, защита, покровительство). Она появилась в Испании в XV столетии в процессе реконквисты. В Новом Мире ее формы были более грубыми: местное население закреплялось за хозяином из числа высокостатусных испанских колонистов (энкомендеро, исп. *encomendero*), на которого оно было обязано работать, а также платить дань. В обмен энкомендеро имел только одну обязанность: обратить туземцев в христианство.

В то же время в XVI в. испанцы заимствовали у инков такую форму эксплуатации, как мита (исп. *mita*, на языке кечуа — обязательная очередность; форма принудительного труда в сельских общинах Империи Инков, а позже в испанских колониях в Америке, при которой выделение людей на общественные работы производилось с помощью жеребьевки; в переводе с языка инков это означало что-то вроде «в свою очередь»). Инки использовали принудительный труд на плантациях, за счет которого поставлялось продовольствие храмам, аристократии, армии. За это элита давала работникам гарантию кормить их и обеспечивать их защиту. Испанцы применяли эту систему преимущественно на территории современных Перу, Боливии и Эквадора. Причем особо известно ее использование на серебряных рудниках, куда сгоняли многие тысячи работников. Интересно, что мита просуществовала весь колониальный период и была отменена только в 1825 г.

Энкомьенда существовала наряду с митой, но трансформировалась в подушную подать. В качестве методов эксплуатации испанцы использовали еще репартимьенто (исп. *repartimiento* — букв. — распределение; принудительная продажа зависимому населению товаров по завышенным ценам) и трэжин (исп. *trajin* — букв. — груз), когда местное население использовали в качестве переносчиков грузов вместо вьючных животных. Все эти насильственные методы создавали богатство испанской короны, но, как подчеркивают АиР, в то же время «превращали Латинскую Америку в континент с наибольшим в мире неравенством и в значительной мере подрывали ее экономический потенциал» (Acemoglu, Robinson 2012: 19)¹⁰.

---

¹⁰ Примечательно, что АиР находят связанный с мита известный экономистам эффект колеи даже в таком факте, как различие в благополучии двух находящихся в одинаковых природно-климатических условиях современных перуанских городов.

Совсем по-другому выглядела колонизация Северной Америки. Поначалу английские колонисты двинулись туда в XVII в. с теми же намерениями, что и веком ранее испанцы. И собирались действовать по отработанной ими методике: захват местных вождей в заложники, вымогательство драгоценных металлов, принуждение аборигенов к труду на пришельцев. Однако условия оказались совсем иными: драгоценные металлы отсутствовали, местное население, представленное племенами охотников, было очень немногочисленно и, ко всему прочему, не организовано в виде централизованных империй, наподобие ацтеков или инков. Последнее не позволяло «перехватить» аппарат насилия и обратить его на собственное обогащение.

АиР описывают нелегкое бытие колонии Джеймстаун (на территории современного штата Виргиния), где нацеленные на повторение испанских успехов поселенцы чуть не умерли от голода. После многочисленных перипетий был сделан правильный вывод о том, что «единственным выбором для экономически жизнеспособной колонии было создание институтов, которые дают колонистам стимулы инвестировать и тяжело трудиться» (Ibid.: 26). Именно это и явилось исходным расхождением, развившимся с течением времени в принципиальный и непреодолимый доньше институциональный разрыв.

Вторжение Наполеона в Испанию в 1808 г. и временное свержение королевской власти явилось сильным толчком, приведшим вскоре к независимости испанских колоний от метрополии. Однако региональные элиты в Латинской Америке не ставили задачу покончить со специальными привилегиями и обеспечить равенство всех перед лицом закона. Они правили и извлекали выгоды в несовместимой с ее реализацией институциональной среде. «Мотивацией, стоящей за мексиканской декларацией о независимо-

---

Дело в том, что лишь на территории одного из них была укоренена мита (Acemoglu, Robinson 2012: 17–18). В плане дальнейшего углубления в лагиноамериканский опыт стоит обратить внимание на их работу по Колумбии (в соавторстве с Камило Гарсия-Химено), где рабский труд применялся в основном в золотодобыче и был отменен еще в 1851 г. (Acemoglu et al. 2012). Тем не менее на основе статистического анализа авторы приходят к выводу о том, что и ныне в районах наибольшего распространения рабского труда наблюдается большая бедность, более низкий уровень обеспеченности общественными благами и большее неравенство в распределении земли. При этом они открыто заявляют, что понимание ими каналов такого воздействия прошлого на настоящее остается неполным (Ibid.). Для российского читателя может представлять интерес предпринятое АиР (совместно с Тарек Хассаном) исследование долговременного влияния Холокоста на состояние российских регионов в настоящее время (Acemoglu et al. 2011). В дальнейшем мы увидим, что для АиР распространение действия этого эффекта колеи на многие года и даже целые столетия — довольно заурядное дело.

сти, была защита комплекса экономических институтов, развившихся в колониальный период... Эти институты, базировавшиеся на эксплуатации местного населения и создании монополий, блокировали экономические стимулы и инициативы огромных масс населения» (Ibid.: 32). Если независимость североамериканских штатов явилась защитой свободы и равенства для многих (несмотря на непоследовательность в вопросе о сохранении рабства), то борьба за независимость их южных соседей обернулась защитой права элиты на колониальные привилегии без метрополии в условиях прежней несвободы большинства.

В США началась индустриальная революция. Права собственности, в частности патентное право, стимулировало инновации. АиР приводят в пример Томаса Эдисона, которому до сих пор принадлежит мировой рекорд по количеству полученных патентов. В эпоху расцвета творчества Эдисона в Мексике много лет правил знаменитый диктатор-президент Порфирио Диас, который «нарушал права собственности, раздавал монополии и привилегии своим сторонникам во всех видах бизнеса, включая банковский» (Ibid.: 35). АиР отмечают, что в его поведении не было ничего нового: в принципе так же вели себя испанские конкистадоры и их первый президент независимой Мексики Санта Ана.

Разумеется, и в Мексике институты не оставались чем-то застывшим, неизменным. Так, тот же Диас демонтировал колониальное институциональное наследие, препятствующее международной торговле. Мир развивался, и индустриальные страны нуждались в ресурсах, торговля которыми обогащала как самого диктатора, так и его сторонников. Однако в целом он не искоренял колониальные институты и не заменял их на те, что сложились в США. Изменения происходили в рамках пресловутой колеи и вели только к новой ступени развития институтов, подобных тем, которые сделали Латинскую Америку бедной и крайне социально поляризованной.

От прошлых эпох АиР перекидывают мост к современности и сравнивают уже карьеры не Эдисона и Диаса, а Билла Гейтса и Карла Слима (Acemoglu, Robinson 2012: 38–40). Последнему благодаря своим связям в политических кругах в ходе приватизации удалось заполучить под свой эксклюзивный контроль телекоммуникационный бизнес в Мексике. Проникновение его в США и попытка действовать обычными для Мексики способами сохранения монополии закончилась колоссальным штрафом. В иной институциональной среде его обычные методы делать деньги не работали, и он потерпел полное фиаско.

Из сопоставления историй двух Америк («близких, но далеких») АиР делают важные теоретические выводы (Ibid.: 42–44), положенные ими в основу всего дальнейшего исследования. Они касаются роли и взаимодействия экономических и политических институтов.

Во-первых, подчеркивается, что все дело в институтах. США богаче Мексики или Перу исключительно из-за того, что их экономические и политические институты формируют условия для развития бизнеса и стимулы для индивидов, ограничивая произвол политиков.

Во-вторых, приоритет принадлежит политическим институтам: именно политические процессы определяют, при каких экономических институтах живут люди. Так, они говорят о способности граждан контролировать политиков и влиять на их поведение. А она, в свою очередь, определяет, будут ли политики агентами граждан (пусть и несовершеннолетними) или же станут злоупотреблять возложенной на них властью и накапливать личное состояние, следуя, во вред гражданам, своей собственной линии.

В-третьих, только политические институты гарантируют стабильность и последовательность. Билл Гейтс, Стив Джобс и другие выдающиеся фигуры в информационном бизнесе с самого начала могли быть уверены, что проекты их мечты будут воплощены: они доверяли институтам и вытекающему из них верховенству закона, не беспокоились о безопасности прав собственности. Они исключали риск захвата власти диктатором, который изменит правила игры, экспроприирует богатство, заключит их в тюрьму или станет угрожать их жизням¹¹.

В итоге АиР делают следующее заключение о роли экономических и политических институтов: «В то время как экономические институты имеют решающее значение в определении того, будет ли страна богатой или бедной, политика и политические институты определяют, какие экономические институты страна будет иметь» (Ibid.: 43).

Инклюзивные и экстрактивные институты

В центре учения АиР о развитии и отсталости находится то, что авторы называют инклюзивными (*inclusive*) и экстрактивными (*extractive*) институтами¹². Соответственно экономики стран, где преобладают первые, называются

---

¹¹ В связи с резким контрастом между американскими и российскими институтами вспоминается замечательное стихотворение русского поэта, где он описывает возможные повороты судьбы Джобса, доведись ему начать бизнес в современной России: «За айподы твои и айфоны / Наскребли б на тебя матерьял / Ты топтал бы российские зоны / Шил перчатки и тапки терял» (Быков 2011).

¹² В переводе на русский экстрактивные институты можно назвать «извлекающими» или «вытягивающими», а инклюзивные — «включающими» или «втягивающими», но использование русских терминов, на наш взгляд, не слишком помогает углубиться в суть этих понятий.

инклюзивными, а те, в которых доминируют вторые, — экстрактивными. И хотя исторически экстрактивные институты появились значительно раньше инклюзивных и до сих пор определяют жизнь большинства стран, все-таки логически целесообразно начать рассмотрение с инклюзивных институтов, а уже потом, по контрасту с ними, описать природу экстрактивных институтов.

Согласно определению авторов, «инклюзивные экономические институты... это те, которые позволяют и поощряют участие больших масс людей в различных видах экономической деятельности, приносящих наилучшее использование их талантов и мастерства и дающих индивидам делать тот выбор, который они желают» (Acemoglu, Robinson 2012: 74). И далее они пишут: «Для того чтобы быть инклюзивными, экономические институты должны гарантировать безопасность частной собственности, непредвзятую систему права и предоставление общественных услуг, которые создают равное игровое поле, где люди могут обмениваться и заключать контракты; они также должны разрешать вход новых бизнесов и позволять людям выбирать их карьеры» (Ibid.: 74–75).

В центре того, что АиР называют инклюзивными институтами, находятся гарантии прав собственности, ибо только при наличии таковых есть желание инвестировать и повышать производительность. Бизнесмен, который ожидает, что его продукция будет украдена, экспроприирована или полностью изъята через налоги, имеет мало стимулов работать, не говоря уже о каких-либо стимулах производить инвестиции и инновации. В то же время все приносимые инклюзивными институтами права должны распространяться на большинство людей в обществе.

Инклюзивные экономические институты названы «двигателями процветания»: они создают инклюзивные рынки, которые не только предоставляют людям право свободно выбирать деятельность, более всего отвечающую их талантам, но дают им возможность реализовать это право. Обладающие хорошими идеями в состоянии начать свой бизнес, а наемные работники включаются в те виды деятельности, где их производительность самая высокая. Причем на конкурентных рынках менее эффективные фирмы могут быть заменены более эффективными.

Инклюзивные институты также прокладывают путь таким двигателям эффективности, как технологии и образование. Устойчивый экономический рост почти всегда сопровождается технологическими улучшениями, которые делают факторы производства более производительными. Эти улучшения являются результатом развития науки и деятельности предпринимателей, способных приложить ее достижения к созданию прибыльного бизнеса. И опять-таки, процесс инноваций становится возможным благодаря экономическим институтам, поощряющим частную собственность, соблюдение контрактов и создающим то самое «ровное поле для игры», которое держит

открытым вход для новых видов деловой активности вместе с их новыми технологиями.

С технологиями всегда неразрывно связано образование, квалификация, компетенции и ноу-хау работников, приобретаемые в учебных заведениях, дома, на работе. Образование и квалификация генерируют научные знания, на которых строится прогресс и благодаря которым технологии внедряются в различные виды бизнеса. И в этом случае тоже важны создающие «ровное поле для игры» экономические институты: они способствуют «производству талантов» и, кроме того, притягивают их со всего мира. Во многом это происходит благодаря тому, что образование в таких обществах доступно в том объеме, который каждый желает и способен получить.

В итоге АиР констатируют, что «способность экономических институтов использовать инклюзивные рынки, поощрять технологические инновации, инвестировать в людей и мобилизовывать таланты и мастерство большого числа индивидов оказывается решающей для экономического роста» (Ibid.: 79). В то же время главная тема их книги, как отмечают они сами, — это объяснение того, почему многие экономические институты не способны достичь этих простых целей (Ibid.). И здесь самое время обратиться к противоположности инклюзивным институтам — институтам экстрактивным. Именно в случае их доминирования «эти простые цели» недостижимы.

Экстрактные экономические институты, согласно авторам, являются таковыми, «потому что они созданы для изъятий доходов и богатства у одной части общества ради выгоды другой его части» (Ibid.: 76). В заключительной части книги о них говорится как об институтах, «созданных для извлечения ресурсов у многих немногими и неспособных защищать права собственности или создавать стимулы для экономической деятельности» (Ibid.: 430). Поскольку этими институтами авторы наделяют самые различные общества в прошлом и настоящем — от доколониальной Африки до современного Китая и от сталинского СССР до современной Мексики, — то более точное их определение было бы затруднительно. В принципе можно сказать, что они есть отрицание инклюзивных институтов во всех их базовых качествах.

Экономические институты АиР рассматривают в синергетическом единстве с политическими. Причем последние, как уже отмечалось ранее, являются определяющими в этом единстве. Так, хорошие экономические институты США явились результатом политических институтов, которые формировались постепенно начиная с 1619 г. (Ibid.: 43)¹³.

Традиционно экономическая теория игнорировала политику, но понимание политики является определяющим в объяснении неравенства¹⁴. Авто-

---

¹³ Начиная с упомянутой выше истории с колонией в Джеймстауне.

¹⁴ Естественно, что в первую очередь здесь имеется в виду глобальное межстра-

ры ссылаются на высказывание известного экономиста Абба Лернера о том, что экономика обрела титул королевы социальных наук в силу допущения, что все политические проблемы решены (Ibid.: 68). При этом допущении экономика как наука неспособна решить вопрос о причинах глобального неравенства.

Как же видится взаимодействие экономических и политических институтов? АиР неоднократно обращаются к этой проблеме в виду ее принципиальной важности (Ibid.: 79–83, 400–402, 429–431). Исходя из того, что все экономические институты создаются людьми, они придерживаются взгляда на политику как инструмента их создания. Этот инструмент используется вполне сознательно, а результатом является распределение власти в обществе. В то же время «политические институты определяют, кто обладает властью в обществе и для каких целей эта власть может быть использована» (Ibid.: 80).

Если власть сосредоточена у узкого круга лиц и неограниченна, то такую власть авторы именуют нередко абсолютистской¹⁵. Она строится на экстрактивных политических институтах. Эти институты «концентрируют власть в руках узкой элиты и накладывают мало ограничений на ее использование» (Ibid.: 81). И тогда экономические институты также выстраиваются этой элитой в своих интересах ради извлечения ресурсов у остальной части общества. Экстрактивные экономические институты естественным образом сочетаются с экстрактивными политическими институтами: ведь именно от присутствия последних зависит их выживание.

В то же время политические институты, которые обеспечивают широкое распределение власти в обществе и подчинены ограничениям, в противоположность абсолютистским, именуются плюралистическими политическими институтами. Однако этого еще недостаточно, чтобы быть отнесенными к категории инклюзивных экономических институтов. Требуется вдобавок эффективная централизация власти, обеспечивающая закон и порядок. Без веберовской «монополии на насилие» можно получить что-то вроде современной Сомали, на пример которой АиР очень любят ссылаться на протяжении всей книги.

В итоге авторы заключают: «Мы рассматриваем политические институты, которые достаточно централизованы и плюралистичны как инклюзивные политические институты. Если любое из этих условий отсутствует, то мы относим такие институты к экстрактивным политическим институтам»

новое неравенство, а не внутристрановое социально-экономическое, хотя в основе экстремальных форм последнего также лежат экстрактивные политические институты.

¹⁵ Под это определение попадают не только абсолютные монархии, правившие миром большую часть истории человечества, но также и более поздние тоталитарные и авторитарные режимы.

(Ibid.: 81). Инклюзивные политические институты, построенные на широком рассредоточении власти, искореняют экстрактные экономические институты, которые экспроприируют ресурсы многих, возводят входные барьеры и подавляют работу рынков таким образом, что выигрывают лишь немногие.

Инклюзивные же экономические институты основываются на инклюзивных политических институтах: такие политические институты затрудняют узурпацию власти и контролирующую политическую власть не могут легко учредить экстрактные экономические институты ради собственной выгоды. В свою очередь, инклюзивные экономические институты, обеспечивающие в большей степени равное распределение ресурсов, способствуют сохранению инклюзивных политических институтов.

Синергетический эффект как взаимное усиление в процессе взаимодействия наблюдается и в отношении экстрактных политических и экономических институтов: политические институты здесь наделяют контролирующую власть политические элиты способностью выбирать такие экономические институты, которые ведут к их обогащению, а это экономическое богатство, в свою очередь, помогает консолидации их политической власти (например, за счет возможности содержать достаточные вооруженные силы и силы безопасности). Таким образом, экстрактные институты также поддерживают друг друга и в результате обретают устойчивость.

Экстрактные и инклюзивные институты могут сосуществовать, но это сосуществование непрочно. Экстрактные экономические институты при инклюзивных политических институтах вряд ли в состоянии поддерживать себя длительный период. Аналогично, инклюзивные экономические институты не поддерживают экстрактные политические институты и не могут быть поддерживаемыми ими: либо они трансформируются в экстрактные к выгоде власть имущих, либо создаваемый ими экономический динамизм дестабилизирует экстрактные политические институты, открывая путь к появлению инклюзивных политических институтов (Ibid.: 82).

У экстрактных политических институтов есть одна очень важная особенность, которую АиР вслед за немецким социологом Робертом Михельсом назвали «железным законом олигархии» и неоднократно обращаются к ней в своей книге (Ibid.: 110–111, 358–362, 366, 387–388, 402–403, 457–458). Она заключается в том, что эти институты «могут воссоздавать себя под различными обличиями» (Ibid.: 436)¹⁶. Впрочем, эта способность к воспроиз-

---

¹⁶ «Когда существующие элиты сталкиваются с вызовом при экстрактных политических институтах и новички прорываются на их место, то они также подвержены немногим ограничениям. Они, таким образом, имеют стимулы сохранять эти политические институты и создавать соответствующий им набор экономических институтов» (Acemoglu, Robinson 2012: 82).

водству, как видно из приведенной в сноске цитаты, касается не только политических институтов, что логично следует из выбранной авторами схемы взаимодействия этих институтов с экономическими.

В принципе, подчеркивая преемственность определенного типа институтов, авторы фактически описывают то, что в институциональной экономике называется эффектом колеи. Как известно, Норт отводил ему важное место в определении путей исторических процессов (Заостровцев 2013: 34–35). АиР тоже пишут об определяемых им изменениях (Acemoglu, Robinson 2012: 36–38). Однако в случае с экстрактивными институтами идея эффекта колеи послужила им базой для создания концепции «порочного круга». Отмечая же «наследственные» (воспроизводимые во времени) качества инклюзивных институтов, АиР выдвинули и обосновали концепцию «круга добродетели» (*virtuous circle*). Из этих двух концепций и рассмотрения механизма перехода из одного круга в другой складывается их теория глобального неравенства и исторической общественной динамики.

Концепция «порочного круга»

Почему бы не «сделать всем хорошо», если инклюзивные институты не являются коммерческой или военной тайной, а, напротив, всячески рекламируются, пропагандируются и даже навязываются (обусловленная экономическая помощь: льготные займы и субсидии в обмен на реформы) такими мощными международными экономическими организациями, как Международный валютный фонд и Всемирный банк?

Начнем с того, что, как констатируют АиР, вызываемые инклюзивными институтами «экономический рост и технологические изменения сопровождаются тем, что великий экономист Йозеф Шумпетер назвал созидательным разрушением» (Acemoglu, Robinson 2012: 84). Вот в этом-то знаменитом «созидательном разрушении» и кроется ответ на поставленный вопрос. Точнее, в том, что является разрушением в процессе замены старого новым. Передовые технологии делают устаревшими существующие знания и технику, новые фирмы приходят на смену старым, в результате структурных сдвигов появляются и исчезают целые сектора экономики. Экономическое развитие, таким образом, неизбежно сопровождается перераспределением доходов; экономический рост создает не только бенефициариев, но и неудачников. Это рождает страх инноваций и, соответственно, боязнь тех институтов, которые «ответственны» за их стимулирование и распространение.

АиР особо выделяют то обстоятельство, что экономический рост, если потенциальным неудачникам не удастся его заблокировать, приносит им не только экономические потери. Конфликт вокруг экономических институтов

оборачивается конфликтом в отношении политических институтов, и, в конечном счете, решается вопрос о власти. Плюрализация политических институтов ослабляет власть в абсолютистском режиме и делает гораздо более трудным (если не невозможным) структурирование с их помощью экономических институтов, подчиненных интересам обогащения властной элиты. В результате «люди, которые страдают от экстрактивных экономических институтов, не могут надеяться на то, что абсолютистские правители добровольно изменят политические институты и редистрибутивную власть в обществе» (Ibid.: 86–87).

Итак, можно утверждать, что эти абсолютистские правители в подавляющем своем большинстве строят рассуждения примерно так: технологический прогресс, раз он требует радикального изменения столь комфортных для элиты экономических, а затем, вероятнее всего, и политических институтов, не стоит таких жертв. Более того, с ним стоит бороться, не только сохраняя и воздвигая на его пути институциональные барьеры, но и прямыми запретами и уничтожением его материальных плодов (а в отдельных случаях — и их творцов)¹⁷. И примеров подобного рода история и даже современность знает немало.

АиР постарались подобрать яркие иллюстрации государственного ретроградства. В частности, они упоминают широко известный запрет на океанские путешествия, а также уничтожение передового по тогдашним мировым меркам судостроения в средневековом Китае (Ibid.: 231–234)¹⁸. Очень жестко контролируемое религиозными и светскими властями книгопечатание появилось в Османской империи лишь в XVIII в.: в результате лишь 2–3 % жителей империи были грамотными в 1800 г., тогда как в Англии в том же году владели грамотой 60 % мужчин и 40 % женщин (Ibid.: 215). Как Австро-Венгрия, так и Россия первой половины XIX в. тормозили развитие фабричного производства и железнодорожного сообщения из-за страха монархий вызвать к жизни новые социальные движения и утратить политиче-

---

¹⁷ АиР ссылаются на историю, рассказанную Плинием-старшим о том, как император Тиберий приказал убить изобретателя небьющегося стекла. В изложении Светония изобретателю нового трудосберегающего способа перемещения колонн повезло больше. Веспасиан просто от него отказался, сославшись на необходимость «кормить народ» (Acemoglu, Robinson 2012: 170–171). Последователи Веспасиана в XX в. рассуждали аналогичным образом: говорили о необходимости обеспечить занятость в стране.

¹⁸ В 1661–1693 гг. было даже запрещено селиться ближе чем на 17 миль от морского побережья. История борьбы китайских императоров с выходом в море очень напоминает нынешнее противодействие китайской компартии свободному выходу в интернет и обмену информацией.

ское *status quo* (Ibid.: 225–227). Однако, пожалуй, нет более выдающегося по своей внешней абсурдности случая, чем демонтаж построенной еще в колониальный период в Сьерра-Леоне железной дороги¹⁹.

Эта африканская страна (бывший британский протекторат) служит для АиР и одним из самых наглядных примеров «порочного круга» (Ibid.: 335–344). Как же он складывался? Поиск ответа нужно начать еще с колониальных времен. Дело в том, что Британия традиционно предпочитала управление через местные элиты. В рассматриваемом случае основой его было закрепление и формирование института почти неограниченных властных полномочий верховных вождей (*paramount chiefs*), которые собирали налоги, осуществляли правосудие и поддерживали порядок.

АиР специально подчеркивают, что британцы не просто нашли опору в традиционном институте как таковом, но и активно трансформировали его под свои нужды. Именно они создали «вертикаль власти» из иерархии вождей с пожизненными полномочиями и систему «правлящих домов» (*ruling houses*) из активных местных коллаборационистов. До британцев страна не знала наследственной аристократии и вожди нуждались в большей общественной поддержке, их статус не был пожизненным (Ibid.: 342).

В этой связи заметим, что в протекторате они строили систему управления, отвечающую худшим традициям европейского абсолютизма. Причем она была не только не свойственна Великобритании того времени (конца XIX — начала XX в.), но и, во многом, ее историческому прошлому. Понятно, что речь здесь не идет о каком-то «злом умысле». Просто сказался рациональный подход: в конкретных обстоятельствах такая организация оказалась наиболее «экономичной» в качестве экстрактивного института, позволяющего с наибольшей выгодой освоить ресурсы территории.

Деколонизация не выдвинула принципиальной альтернативы введенному колонизаторами порядку. «Выборы» верховного вождя проходят в рамках процедур, очень далеких от демократических (из числа членов все тех же «правлящих домов»). Главное же препятствие экономическому развитию этот «вождизм» порождает благодаря сохранению за местными лидерами статуса «хранителей земель», предполагающего наличие права перераспределять землю между хозяйствами. Права собственности на нее не утверди-

---

¹⁹ Речь идет о том, как ведущая во внутренние районы страны железная дорога была уничтожена из-за того, что она удешевляла доставку экспортных грузов (какао и проч.) на побережье. Дело в том, что эти районы в постколониальный период неоднократно выступали против диктатора Сиаку Стивенса. Последний же, чтобы наказать экономически неояльные территории, затормозить их развитие и сделать изменения максимально необратимыми, продал не только подвижной состав, но и рельсы (Acemoglu, Robinson 2012: 335–337).

лись: она не может быть объектом купли–продажи, предметом залога. Очевидно, что в условиях постоянной угрозы передела прав на земельные угодья заинтересованность в инвестициях сходит на нет и в результате сельское хозяйство пребывает в угнетенном состоянии²⁰. Уже одно это обстоятельство раскрывает причину бедности, недостаточного питания местного населения и прочих связанных с этим проблем (здоровья, продолжительности жизни и т. п.).

Другая характерная особенность британского правления заключалась в том, что оно само создавало и такие экстрактные институты, которых просто не могло быть в родоплеменном обществе. Если вождизм, пусть и в иной форме, все-таки присутствовал до появления колонизаторов, то эти институты строились в буквальном смысле с нуля. Одним из них явилась специальная организация по регулированию рынка (*Sierra Leone Produce Marketing Board*), созданная изначально с благими намерениями. Она должна была страховать сельхозпроизводителей от обычных для отрасли резких колебаний цен, закупая продукцию по ценам выше рыночных в случае резкого падения последних и, наоборот, ниже рыночных в случае их скачков. Организация функционировала на основе самоокупаемости и под этим предлогом превратилась в инструмент жесткого налогообложения.

Казалось бы, что с обретением независимости этот метод «колониальной эксплуатации» должен был уйти в прошлое. На самом же деле произошло то, что можно назвать «перехватом института» местной элитой, который к тому же есть все основания определить как «усугубляющий». Дело в том, что в середине 1960-х гг. производители кокосовых орехов в среднем получали 56 % от мировой цены, какао — 48 %, кофе — 49 %. В 1985 г., когда президент-диктатор Стивенс покинул пост, передав дела преемнику — Джозефу Момо, эти цифры составляли 37, 19 и 27 % соответственно. Одно время при Стивенсе налог доходил и до 90 % от мировой цены (*Ibid.*: 338). При этом клептократический режим использовал эти средства отнюдь не на дороги и больницы, а на обогащение главы государства и близких ему людей, а также на покупку политической поддержки.

Вторым «перехваченным» институтом явилась организация добычи алмазов через делегацию монополии на нее одному тресту (*Sierra Leone Selection Trust*), принадлежавшему южноафриканской компании «Де Бирс». Алмазные месторождения в стране относятся к аллювиальным: драгоценные камни залегают очень близко к поверхности и их добыча не требует дорогого оборудования, шахт и может осуществляться обычными старателями.

---

²⁰ Эта система чем-то напоминает организацию землепользования в рамках крестьянской общины в России с той лишь разницей, что функции «верховного вождя» в ней принадлежали коллективному органу этого микросоциума.

Эта особенность потребовала создания в 1936 г. специальных вооруженных сил треста-монополиста, препятствовавших свободному промыслу. В 1955 г. британское правительство разрешило добычу лицензированным копателям, но при этом оставило в полной власти треста два самых богатых месторождения района страны²¹.

Естественно, что в 1970 г. трест национализировали. Правда, это можно назвать национализацией, если обращать внимание только на перемену названия (трест стал называться Национальной алмазодобывающей компанией) и считать максимум Людовика XIV «Государство — это я» безоговорочной истиной на все времена. На деле же это была приватизация компании небезызвестным нам Стивенсом, завладевшим долей в 51 %. Прибыли монополиста, разумеется, неплохо служили новым «хозяевам жизни» в отныне суверенном государстве.

Интересна и дальнейшая его судьба. Когда в 1985 г. власть была передана Момо, то он столкнулся с полным коллапсом: неспособностью поставлять какие-либо общественные блага и платить государственным служащим²². Со времен правления Стивенса шли сокращения армии и замена ее силами личной безопасности диктатора, что обеспечивало лучший контроль за лояльностью вооруженных людей. Эта тенденция сохранилась и при преемнике. В итоге, обессилевшая армия в 1991 г. не смогла отбить вторжение сравнительно немногочисленных повстанцев с территории соседней Либерии, объявивших себя Революционным объединенным фронтом (*Revolutionary United Front*). Страна погрузилась в бездну гражданской войны и анархии, и это продолжал 10 лет. Государство «провалилось».

История Сьерра-Леоне является довольно типичной для стран черной Африки. В первую очередь поражает, конечно, преемственность институтов: в этом плане уместно говорить о «колониальном наследии» с негативной коннотацией. Британия создала систему опосредованного правления регионами через верховных вождей и их кланы, ставшая суверенной страна ее сохраняет и воспроизводит. Колониальные власти находят способ обременительного налогообложения фермеров через регулирование рынка, суве-

---

²¹ По всей видимости, выражаясь языком экономистов, издержки охраны монопольных прав на всех алмазоносных территориях оказались слишком велики, и рациональным решением стала концентрация ограниченного ресурса в виде вооруженных сил на главных участках.

²² Запредельное разложение госаппарата высвечивает такой анекдотичный факт: телетрансляции прекратились в 1987 г., поскольку министр информации продал педатчик. Два года спустя аналогичная судьба постигла радиотрансляции за пределы столицы. Правда, о том, было ли это прекращение тоже обусловлено прямым участием министра информации, ничего не говорится (Acemoglu, Robinson 2012: 373).

ренная страна его повторяет и усугубляет. Они же создают трест-монополист по добыче алмазов, подавляя мелкое индивидуальное предпринимательство в этой сфере, с опорой на вооруженное вмешательство; все та же фирма (хотя под другим названием и с другим владельцем) ведет себя точно таким же образом и после обретения независимости.

Единственный разрыв преемственности наблюдается в отношении к железной дороге, но тут уже сказались радикальные различия институтов метрополии и колонии. Британская администрация, безусловно, доверяла своим войскам и могла использовать железную дорогу для переброски их в мятежные районы; президент Стивенс, как видно из вышеизложенного, не располагал такой возможностью, и единственным способом наказания непокорных было лишение доступа к портам их предназначенной на экспорт продукции.

Продолжая разговор об экстрактивных колониальных институтах, нельзя пройти мимо вопроса об организации работорговли. Рабство как институт было известно в Африке и до европейцев, хотя и не получило широкого распространения. Однако АиР указывают на организованную европейцами экспортную работорговлю (ранее не существовавшую), во-первых, как на причину усиления абсолютизма местных государственных и полугосударственных образований, выстраивавшихся вокруг одной главной функции — захватывать и продавать рабов²³. Во-вторых, — как на источник разрушения зачатков правосудия: любое, даже незначительное преступление наказывалось обращением в рабство исключительно по причине экономической целесообразности. Глубокие следы института рабства находят даже в XX в.: в Сьерра-Леоне оно было окончательно отменено лишь в 1928 г., а в Либерии еще в 60-е гг. нашего столетия примерно четверть имеющейся рабочей силы в той или иной степени принуждалась к труду внеэкономическими методами (Ibid.: 258)²⁴.

АиР анализируют влияние колониализма не только в Африке южнее Сахары. Они уделяют внимание результатам деятельности голландской

---

²³ «Многие африканские государства превратились в военные машины, нацеленные на захват и продажу рабов европейцам» (Acemoglu, Robinson 2012: 273).

²⁴ Парадокс состоит в том, что как Сьерра-Леоне, так и особенно Либерия были предназначены для свободных африканцев. В столице первой из стран с многоговорящим названием Фритаун англичане селили освобожденных рабов с перехваченных ими судов, отправлявших чернокожий контингент на плантации Южной и Северной Америки. Производное от слова «свобода» название второй страны связано с тем, что она была тем местом, где обретали свою «старую новую» родину афроамериканцы (освободившиеся рабы из Америки), пытавшиеся на земле предков воспроизвести политические институты США.

Ост-Индской компании на территории современной Индонезии и английской компании с таким же названием на территории Индии (Ibid.: 199–200, 245–250, 272–273). В целом эта деятельность оценивается отрицательно как источник того, что авторы называют «развитием вспять» (*reverse development*). Если затронуть историю с Индией, то здесь на первый план в качестве причины «развития вспять» выходит не только активность самой компании, сколько ее вынужденная переориентация с торговли индийским товаром в результате запрета метрополией экспорта традиционных индийских тканей. Естественно, что работавшая на всю Европу местная текстильная промышленность практически перестала существовать, города пришли в упадок. В результате компания была вынуждена перейти от организации торговых факторий к вооруженной экспансии и захвата «под себя» экстрактивных институтов налогообложения индийских правителей²⁵.

Впрочем, АиР справедливо подчеркивают, что никто не знает траектории гипотетического самостоятельного и независимого развития (Ibid.: 271) — в том смысле, что пошло бы оно по пути образования инклюзивных институтов или нет. Ведь спрос на те же традиционные индийские ткани, давший толчок развитию, был не внутренний, а связь между кустарными производителями и их потребителями в Европе имела место лишь благодаря деловой активности все той же британской компании.

Очевидно, неверно было бы сводить все институциональные пороки бывших колоний к наследию пришельцев из Европы. Та же Либерия, которая формально всегда оставалась независимой, переживала коллизии не меньшие, чем ее северная соседка Сьерра-Леоне. В исследовании АиР много пишется об Эфиопии и Сомали (Ibid.: 234–243, 344, 358–361, 376). В первом случае речь идет о централизованном абсолютистском режиме с исключительно локальными корнями. АиР делают вывод о том, что, «без сомнения, Эфиопия была идеальным образчиком абсолютизма» (Ibid.: 235). Власть императора ничем не ограничивалась, и он обладал таким же правом на произвольное перераспределение земель, как и верховные вожди из Сьерра-Леоне. Вплоть до революции 1974 г. в стране существовала система, называемая *gult*. Первые источники упоминают о ней еще в XIII в. В переводе на европейские понятия она очень близка феодальному лену. Держатель *gult* получал от императора землю и право налогообложения занятых на ней в обмен на оказание услуг (прежде всего, в виде военной службы). У крестьян изымалось от 1/2 до 3/4 произведенного. АиР считают эту систему более «экстрактивной», чем европейский аналог (Ibid.: 178).

---

²⁵ «Фактически, прибыльность европейских колониальных империй часто строилась на разрушении независимых политических образований и местных экономик...» (Acemoglu, Robinson 2012: 271).

После революции 1974 г. Эфиопия переживала потрясения в результате диктатуры коммунистически настроенных военных, конфликтов с соседними странами и сепаратистами. Однако механизм преемственности институтов абсолютистской власти («железный закон олигархии») действовал и в этом случае. Только здесь Великобритания была уже абсолютно ни при чем. Так, режим военного диктатора Менгисту Хайле Мариама во многих отношениях повторял модель императорского правления, что проявлялось даже в чисто внешних признаках²⁶.

Что касается Сомали, то страна исторически управлялась различными кланами. Не вдаваясь в подробности, можно констатировать факт, что единство страны после обретения независимости в 1960 г. удалось как-то сохранять лишь в течение 30 лет. После этого начался ее распад, сопровождавшийся войной «всех против всех». Сомали является лучшим образчиком так называемого провалившегося государства²⁷.

Отсутствие политической централизации усугубляло проблемы, стоявшие перед странами с экстрактными институтами. В этом случае не гарантируются не только базовые права собственности, но и сама жизнь. Естественно, что в таких условиях нет даже слабых стимулов к инвестициям. АиР замечают, что «политической централизации сопротивляются по той же причине, по какой абсолютистские режимы сопротивляются переменам: это часто обоснованный страх того, что изменение перераспределит политическую власть от тех, кто доминирует сегодня, к новым индивидам и группам» (Ibid.: 244).

---

²⁶ Примечательно описание празднования четырехлетней годовщины свержения императора Хайле Селассие. К тому времени Менгисту уже консолидировал власть в своих руках. Он занял императорский дворец, во время официальных церемоний сидел на императорском троне, наблюдал военный парад, сидя на позолоченном кресле (Acemoglu, Robinson 2012: 359).

²⁷ Для англоязычного читателя, знакомого с политологическими и/или политико-экономическими научными текстами, словосочетание «*failed state*» («провалившееся государство») давно стало привычным. Достаточно указать на то, что неправительственная организация «Фонд за мир» (*Fund for Peace*) с 2005 составляет Индекс провалившихся государств. В него включаются не только собственно провалившиеся государства, но все государства, которые удается оценить по 12 крупным показателям, каждый из которых в среднем включает в себя 14 параметров. Он «показывает испытываемое государствами давление и их уязвимость к коллапсу» (Fund for Peace 2012). Индекс провалившихся государств–2013 возглавляют Сомали, Демократическая Республика Конго, Судан и Южный Судан. Сомали возглавляет индекс провалившихся государств пять лет подряд. На противоположный от такого типа государств полюс помещены Финляндия и Швеция (Fund for Peace 2013).

В одной из недавних статей АиР обращают внимание на проблему, с которой сталкивается политика экономических реформ (Acemoglu, Robinson 2013). Если предпринимаются реальные шаги в направлении устранения внесенных в экономику искажений и, соответственно, повышения ее эффективности, то следует обращать внимание и на их возможные политические последствия. Эта общая идея относится не только к попавшим в «порочный круг» странам, но, в частности, и к ним тоже.

Авторы снова вспоминают о Сьерра-Леоне (Ibid.: 187–188). Ее недавняя история помогает понять связь между экономическими реформами и политическими неудачами, которые превращают просто отсталую абсолютистскую страну с экстрактивными институтами в провалившееся государство. Если вернуться к президенту Момо, то надо сказать, что вскоре после получения власти из рук предшественника ему не осталось ничего иного, кроме как обратиться за поддержкой к МВФ. Понятно, что в результате он столкнулся с набором стандартных встречных требований, касающихся макроэкономической стабилизации. Однако повышение фискальной ответственности и сокращение бюджетных расходов лишило его значительной части средств для покупки политической лояльности бюрократии и региональных элит. Ему не оставалось иного варианта как заменить пряник кнутом, и он начал операцию «Чистое государство», нацеленную на захват вооруженными силами всех алмазоносных территорий. Этим он рассчитывал прибрать к рукам оставшиеся в стране источники ренты, но вместо этого в качестве непредвиденного последствия получил тотальную гражданскую войну²⁸.

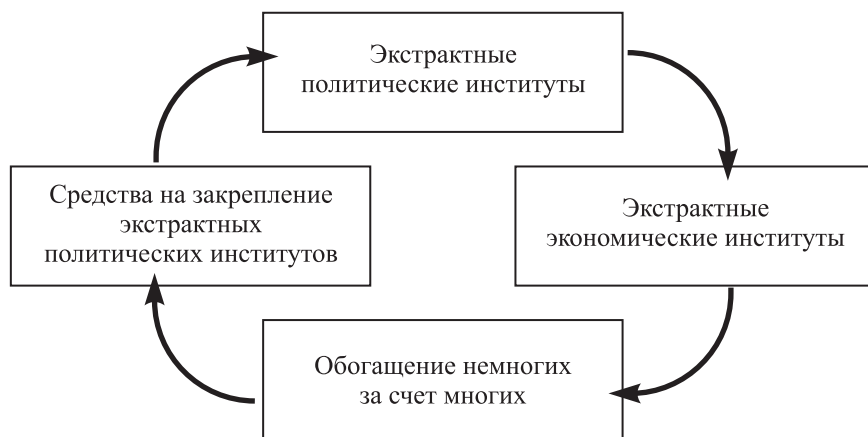
Изложенный выше материал позволяет теперь сформулировать логическую схему, описывающую «порочный круг». Она представлена на рисунке.

Ранее уже кратко говорилось о взаимосвязи и взаимообусловленности экстрактивных политических и экономических институтов. В характеризующихся явным доминированием экстрактивных институтов абсолютистских государствах власть имущие элиты почти не ограничены в своих действиях по созданию подконтрольных монополий и близких к ним хозяйственных организаций, приносящих средства, которыми они вольны распоряжаться по своему усмотрению. Эти средства распределяются ими между накоплением личного богатства и инвестированием в укрепление существующих экстрактивных политических институтов. Последнее принимает различные

---

²⁸ АиР присоединяются к известной позиции Норга с соавт. (North et al. 2009), согласно которой извлекаемая и распределяемая рента в так называемых порядках ограниченного доступа («естественных государствах») создает стимул к снижению уровня насилия и поддержания социального мира (Acemoglu, Robinson 2013: 188–189). Хорошая экономическая политика далеко не всегда есть столь же хорошая политика по критерию ее эффективности для удержания власти.

формы: щедрую оплату лояльных вооруженных формирований, подкуп судей, фальсификацию выборов и т. д. Ну а достижение политических целей в этой системе едва ли не автоматически расширяет и возможности извлечения ренты из экономической деятельности.

Рисунок. «Порочный круг» по Асемоглу — Робинсону

АиР видят и другую сторону «порочного круга»: экстрактивные политические институты резко повышают ставки в политической игре. Кто контролирует государство, тот контролирует все²⁹. «...Экстрактные институты создают стимулы для внутренней борьбы ради контроля власти и ее выгод...» (Ibid.: 344). Обусловленные этими институтами стимулы внутренней борьбы могут пребывать в латентном или не слишком активном состоянии годами, а то и десятилетиями. Однако именно они закладывают мощный потенциал политической нестабильности, который при сочетании ряда неблагоприятных обстоятельств буквально разрывает государство и страну, приводя к хаосу и гражданским войнам³⁰.

²⁹ Очевидно, что «железный закон олигархии» органично встроен в этот «порочный круг»: овладение противостоящими властям силами рычагами институционально неограниченной государственной власти, под какими бы идеологическими лозунгами оно ни совершалось, всегда создает искушение оставить ее столь же, а то и в гораздо большей степени бесконтрольной ради собственных выгод.

³⁰ АиР, следуя своей концепции, которую можно назвать «институциональным детерминизмом», пишут: «Страны становятся провалившимися государствами не по

Интересно, что даже такой исход не избавляет страну от экстрактивных институтов. К этому выводу приходят АиР, обращаясь, в частности, к примеру все той же Сьерра-Леоне, но уже после окончания гражданской войны. В 2007 г. на демократических выборах победила партия хорошо известного нам Стивенса. Часть членов его кабинета заняли места в новом правительстве, а два его сына были назначены послами в США и Германию. АиР констатируют, что в силу исторически присущих стране в высшей мере экстрактивных институтов «общество не только страдает экономически, но также колеблется между полным беспорядком и неким подобием порядка» (Ibid.: 401–402).

Разумеется, такие крайне негативные последствия экстрактивных институтов — возможный, но далеко не единственный вариант. Не все страны с преобладанием экстрактивных институтов превращаются в провалившиеся государства. Таковых, например, нет в Латинской Америке. Однако в этом регионе даже наиболее благополучные из государств часто не способны разорвать «порочный круг». Классическим образцом неудачных попыток выйти из него является Аргентина. Настолько, что АиР припоминают слова нобелевского лауреата по экономике Саймона Кузнецца (1901–1985) о том, что на свете есть четыре типа стран: развитые, недоразвитые, Япония³¹ и Аргентина (Ibid.: 384).

Не вдаваясь подробно в историю страны (она, в отличие от истории Сьерра-Леоне, более или менее известна), заметим, что к Первой мировой войне ей удалось стать одной из богатейших в мире. До ее начала Аргентина прошла через почти 50-летний период непрерывного роста. Происходившие с ней на протяжении остальной части XX в. коллизии АиР, естественно, приписывают экстрактивным институтам. Они приводят к тому, что выборы не рожают доминирование инклюзивных политических или экономических институтов. В случае Аргентины природа этого кроется в особенностях ее провинций, они не столь отличны от Перу или Боливии, как ее столица. В части из них имела место энкомьенда (см. выше).

АиР, подчеркивая общность Хуана Перона (1895–1974) и Уго Чавеса (1954–2013), полагают, что, во-первых, несправедливости, порождаемые на протяжении многих лет экстрактивными институтами, вызывают стремление выбирать политиков с экстремальными программами в надежде на то, что

причине их географии или их культуры, но причине наследия экстрактивных институтов, которые сосредотачивают власть и богатство в руках тех, кто контролирует государство, открывая дорогу волнениям, распрям и гражданской войне» (Acemoglu, Robinson 2012: 376).

³¹ В те времена, когда это было сказано, Япония рассматривалась как экономическое чудо, символизирующее грандиозный успех.

таким образом можно будет выскочить из «порочного круга». Во-вторых, экстрактные политические институты, делающие политику столь привлекательной, выдвигают на первый план сильную личность, а не эффективную партийную систему с выбором между различными социально приемлемыми альтернативами. В итоге и Перон, и Чавес — это еще один облик «железного закона олигархии» (Ibid.: 387–388).

После рассмотрения самых различных стран (кроме Сьерра-Леоне, Мексики и Аргентины в обзор включены Зимбабве, Колумбия, Северная Корея, Узбекистан и Египет) авторы отвечают на вопрос «Почему страны терпят неудачу?». При всем их несходстве в географии, культуре, истории и проч. у них есть одна общность: это все те же экстрактные институты. Естественно, что внутри этих институтов присутствуют очень значительные различия от страны к стране. В конце концов, Аргентина — это не Северная Корея и даже не Узбекистан. Политические институты в Аргентине и Колумбии куда больше ограничивают поведение элит, чем в Сьерра-Леоне или Зимбабве. Это вытекает из исторического институционального наследия, которое во многом объясняет и разрыв в уровне жизни между ними. Однако это не отменяет того факта, что все перечисленные страны находятся в ловушке «порочного круга».

Есть ли выход из этого круга? Прочитируем АиР: «Сегодня решение проблемы политических и экономических неудач стран — это трансформация их экстрактных институтов в направлении инклюзивных. “Порочный круг” означает, что это нелегко. Но это — не невозможно, и “железный закон олигархии” — не неизбежность» (Ibid.: 402). Продвижение от доминирования экстрактных институтов к доминированию инклюзивных — отдельная история, которой АиР уделяют самое пристальное внимание. Их взгляды на этот счет — предмет нашего дальнейшего исследования, которое не отражено в данной работе.

В то же время их представление о неудачах стран как следствия экстрактных институтов было бы неполным, если бы мы прошли мимо одного очень актуального и на сегодняшний день вопроса: так ли обязательна полная замена этих институтов инклюзивными для роста национальных экономик?

Тупики авторитарной модели роста и теории модернизации

АиР отвечают на этот вопрос неоднозначно. С одной стороны, «экстрактные институты, по самой своей логике, должны создавать богатства с тем, чтобы было что извлекать. Монополизирующий политическую власть и контролирующий централизованное государство правитель может при-

внести какую-то толику закона и порядка, системы правил и стимулировать экономическую активность» (Acemoglu, Robinson 2012: 124). С другой стороны, экономический рост в построенных на экстрактивных институтах социальных порядках со временем исчерпывает себя, не может быть устойчивым. И разного рода «экономические чудеса» в таких социумах (что советское, что нынешнее китайское) в конечном счете не переводят их в иное качество, если только радикально не изменяют политические институты. Однако последнее никак и ничем не гарантировано.

Начнем с СССР, которому АиР уделили достаточно много места в качестве одного из образчиков развития в системе экстрактивных институтов (Ibid.: 124–132). Они не проходят мимо того любопытного обстоятельства, что СССР вплоть до 1980-х гг. представлялся ряду интеллектуалов на Западе работающей моделью³². Обольщение левого журналиста революцией и фантастическими планами большевиков понять не трудно. Труднее понять лауреата Нобелевской премии по экономике Пола Самуэльсона (1915–2009), который в своем знаменитом учебнике «Экономика» еще в издании 1980 г. пророчил, что СССР превзойдет США либо в 2002, либо (на худой конец) в 2012 г. (Ibid.: 125).

В основе заблуждений Самуэльсона и других следовавших моде на СССР интеллектуалов лежали сравнительно быстрые темпы роста его экономики в течение довольно длительного времени, которые он утратил только в 1970-е гг. Чем они обуславливались?

АиР рассуждают на этот счет следующим образом (Ibid.: 126–127). Конечно, позволить людям принимать собственные решения посредством рынка — наилучший для общества способ эффективного использования ограниченных ресурсов. Однако в случае СССР, по их мнению, в секторе тяжелой промышленности производительность труда и капитала были настолько выше, чем в других секторах экономики, что даже перемещавшие в тяжелую промышленность труд и капитал централизованные директивы генерировали заметный экономический рост. АиР сравнивают ситуацию с той, что была на Карибских островах в XVIII в., когда выбор направлять ресурсы в производство сахара, на который в мире был большой спрос, позволял быстро расти и накапливать богатства, несмотря на использование такого экстрактивного института, как рабство. В СССР, считают они, роль сахара играла индустрия³³.

---

³² В качестве квинтэссенции этой позиции АиР приводят знаменитые слова журналиста Линкольна Стеффенса, который после возвращения из охваченной гражданской войной России и встречи с Лениным произнес: «Я видел будущее, и оно работает» (Acemoglu, Robinson 2012: 125).

³³ Это сравнение представляется некорректным. Хотя бы потому, что на сахар

В 20-е гг. прошлого века большая часть трудовых ресурсов находилась в сельской местности. В сельском хозяйстве той поры технологии были примитивные, и на их базе вряд ли имелись возможности значительного повышения производительности. Таким образом, страна располагала огромным незадействованным экономическим потенциалом, который мог быть использован за счет перемещения труда из сельского хозяйства в промышленность. «Сталинская индустриализация была грубым способом разблокирования такого потенциала» (Ibid.: 127). Быстрый экономический рост был создан за счет «ручного» перераспределения ресурсов.

В то же время такой экономический рост не был устойчивым, поскольку экстрактные экономические институты не в состоянии генерировать постоянные технологические изменения по двум причинам: отсутствие экономических стимулов и сопротивление элиты. Поэтому как только все неэффективно используемые ресурсы были перемещены, не осталось никакого резерва для обеспечения экономических выигрышей за счет ручного управления. Отсутствие инноваций и слабые экономические стимулы препятствовали прогрессу. Единственной областью, где СССР удавалось поддерживать инновации за счет невероятных усилий, были военные и аэрокосмические технологии (Ibid.: 128).

Для решения проблемы создания стимулов нужно было отказаться от экстрактных экономических институтов. Но это ставило под угрозу политическую власть, что и доказал Михаил Горбачёв, начав демонтаж этих институтов (Ibid.: 128).

В итоге можно суммировать: СССР при полном доминировании экстрактных институтов смог обеспечить быстрый экономический рост по причине создания сильного централизованного государства и использования его для перемещения ресурсов в самый эффективный сектор. Однако экстрактные институты не создавали стимулы к инновациям, следовательно, рост не сопровождался «созидательным разрушением» и в конечном счете исчерпал себя.

Гораздо более актуальным и важным для экономического анализа истории представляется обращение АиР к Китаю (Ibid.: 420–427, 437–443). Начнем с того, что они сравнивают маоистский режим с его экстрактными институтами с политическим режимом в Сьерра-Леоне, а компартию Китая с

спрос был реальный, рыночный, тогда как продукция тяжелой промышленности СССР никуда не экспортировалась по рыночным ценам и потреблялась внутри страны тем же государством в рамках утвержденных им программ, которые преимущественно были нацелены на создание колоссального военно-промышленного комплекса. Скорее такое сравнение подходило бы для нынешней России, живущей за счет экспорта углеводородного сырья (аналог карибского сахара). Однако полемика с авторами не входит в нашу задачу.

той самой организацией по управлению рынком, которая выкачивала деньги из сел. Компартия обладала монополией на продажу зерна, которая использовалась для налогообложения крестьян. Однако не будем задерживаться на маоистских экспериментах и перейдем сразу к анализу поворота в сторону рынка. Сплотившаяся вокруг Дэн Сяопина часть руководства осознала, что экономический рост станет возможным только при серьезных подвижках в направлении инклюзивных экономических институтов. «Возрождение Китая последовало только вместе со значительным отходом от наиболее экстрактивных экономических институтов в пользу более инклюзивных» (Acemoglu, Robinson 2012: 426).

При рассмотрении шагов Китая навстречу рынку АиР прибегают к характерному для них видению истории. Во-первых, они делают упор на случайность событий, вызывающих социальные сдвиги. Ничто не гарантировало, что Дэн Сяопин и его сподвижники выйдут победителями в схватке с так называемой Бандой четырех. Во-вторых, они подчеркивают, что «история — это не судьба» (Ibid.). Что «порочный круг» может быть разорван и экстрактивные институты заменены инклюзивными. Тем не менее это не происходит автоматически.

И тут мы сталкиваемся с их видением «критического стечения обстоятельств» (*critical junctures*). «Во время критического стечения обстоятельств главное событие или сочетание факторов разрушает существующий баланс политических или экономических сил в стране» (Ibid.: 106). Для китайского поворота к рынку главным событием стали смерть Мао Цзэдуна и последующий приход к власти реформаторов. Такое событие очень важно, поскольку на пути постепенных улучшений часто стоят непреодолимые барьеры.

В то же время несмотря на то, что китайские экономические институты сегодня несравненно более инклюзивны, чем три десятилетия назад, китайский рост — это пример роста в рамках экстрактивных политических институтов. Один из соратников Дэн Сяопина назвал китайский капитализм «птицей в клетке». АиР приводят ряд свидетельств политического руководства компаниями и недопущения выхода бизнеса за негласно обозначенные пределы. Права собственности в Китае не полностью гарантированы, мобильность труда жестко регулируется, имеет место взаимовыгодная спайка между партийным руководством и бизнесом. «В силу партийного контроля над экономическими институтами размах созидательного разрушения сильно ограничен и останется таковым вплоть до радикальной реформы политических институтов» (Ibid.: 441)³⁴.

---

³⁴ «До тех пор, пока политические институты остаются экстрактивными, рост будет внутренне ограничен, так же как это было во многих других случаях» (Acemoglu, Robinson 2012: 441).

Если говорить о Китае, то АиР придерживаются примерно следующих взглядов на его настоящее и будущее: частичная замена экстрактивных экономических институтов на инклюзивные обеспечила высокие темпы экономического роста, но сохранение экстрактивных политических институтов и как результат отсутствие «созидательного разрушения» неизбежно приведут к его исчерпанию.

Для АиР характерно и непризнание достаточно распространенного среди их коллег убеждения, что Китай открыл альтернативный путь устойчивого экономического роста при авторитаризме, а не при инклюзивных экономических и политических институтах³⁵. Их неправоту АиР видят в том, что достижения Китая обеспечены благодаря переходу от экстрактивных к значительно более инклюзивным экономическим институтам, а не благодаря экстрактивным политическим институтам, которые только затрудняли этот переход (Ibid.: 442–443).

Наряду с убеждением о несостоятельности поиска в китайской модели развития некой новой панацеи, АиР подвергают критическому рассмотрению и теорию модернизации (Ibid.: 443–445). Во-первых, они выступают против присутствующего в ней утверждения, что все общества станут продвигаться в направлении более развитого и цивилизованного состояния и, главное, демократии. Во-вторых, — против характерного для нее тезиса о том, что инклюзивные политические институты возникают как побочный продукт экономического роста. В-третьих, — против имеющегося в некоторых концепциях модернизации представления о том, что рост доходов и/или более образованная рабочая сила естественным путем подводят общество к появлению инклюзивных институтов и демократии.

В качестве аргументов против теории модернизации фигурирует ссылка на то, что за последние десятилетия во многих странах с преобладанием экстрактивных институтов наблюдались экономический рост, повышение уровня образования и доходов населения. Вот только это все почти не затронуло сам факт доминирования этих институтов, особенно политических. Так, увеличение экспорта природных ресурсов, вызванное повышением их стоимости, в Габоне, России, Саудовской Аравии и Венесуэле не привело к трансформации этих авторитарных режимов. Более того, экономический рост в Китае был продуцирован теми, кто контролирует экстрактивные политические институты, так как в силу сложившихся обстоятельств они стали

---

³⁵ В России подобного подхода придерживается Владимир Попов, который полагает, что в Восточной Азии «догоняющее развитие впервые оказалось и оказывается успешным и потому, что оно основано на принципиально иной, отличной от западной, экономической модели и способе выхода из мальтузианской ловушки» (Попов 2012: 59; см. также: Попов 2011: 309–321).

рассматривать его не в качестве угрозы, а, напротив, средства поддержки режима (в отличие от воззрений до 1980 г.).

Самым сильным свидетельством в пользу теории модернизации считается то обстоятельство, что богатые страны — это страны с демократическим устройством, уважением гражданских прав и прав человека. Однако, согласно АиР, каузальность здесь противоположная. Не богатство создает инклюзивные институты, а, напротив, инклюзивные институты — богатство. Общества с инклюзивными институтами демонстрировали на протяжении многих десятилетий обусловленные этими институтами устойчивые темпы роста³⁶. Именно в этом факте кроется объяснение их богатства.

История еще менее склонна служить подтверждением теории модернизации. Многие относительно процветающие страны превращались в репрессивные диктатуры: Германия и Япония были среди богатых и наиболее индустриально развитых стран в первой половине XX в. и располагали сравнительно хорошо образованными гражданами. Кроме того, можно снова вспомнить об Аргентине. В конце XIX — начале XX в. она по уровню богатства превосходила Великобританию.

АиР формулируют три вывода (Ibid.: 445–446). Несмотря на то что они придерживаются точки зрения о невозможности прогнозирования, некоторые из них звучат как прогноз³⁷.

Во-первых, рост в условиях авторитарных экстрактивных политических институтов в Китае, вероятно, продержится еще некоторое время, но не перейдет в устойчивый рост, поддерживаемый подлинно инклюзивными экономическими институтами и созидательным разрушением.

Во-вторых, в противоположность заявкам теории модернизации, нельзя рассчитывать на то, что авторитарный рост приведет к демократии и инклюзивным политическим институтам. Китай, Россия и другие авторитарные

---

³⁶ Стабильность развитых стран в длительном периоде неплохо описывает реальная доходность акций. С 1871 г. фондовый рынок США с учетом реинвестирования дивидендов приносит около 9 % годовых в номинальном выражении и 6–7 % в реальном, существенно обыгрывая и инфляцию, и облигации. В XX в. (с 1900 по 1999 г.) доходность в реальном выражении американского рынка (6,9 %) была превышена только на шведском и австралийском рынках. Приблизились к ней канадский, британский, голландский, ирландский, швейцарский и датский рынки. В то же время аргентинский рынок, один из старейших (первая биржа в Латинской Америке была создана в Буэнос-Айресе в 1895 г.), был закрыт в 1965 г. на 10 лет. 27 %-ный годовой рост в долларовом выражении в 1975–1996 гг. не компенсировал полного обесценения акций с 1944 по 1965 г. (Гуляев 2013: 46–47).

³⁷ Невозможность прогнозирования связана, в частности, со случайностью «критических стечений обстоятельств». Тем не менее разработанная АиР теория позволяет прибегнуть к наброскам будущего в самых общих чертах.

режимы достигнут его предела раньше, чем они трансформируют свои политические институты в более инклюзивные.

В-третьих, авторитарный рост не является ни желательным, ни жизнеспособным в длительном периоде, так что он не должен получать одобрения международного сообщества в качестве образчика для других стран, даже несмотря на то, что многие страны выбирают эту дорогу, поскольку она отвечает интересам доминирующих в них экономических и политических элит.

Литература

Быков Д. (2011). Дмитрий Быков — о Стиве Джобсе. URL: <http://www.online812.ru/2011/10/11/023/>

Гуляев Г. (2013). Терпение — враг инвестора // Коммерсантъ. Деньги. № 19. С. 46–47.

Даймонд Д. (2012). Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ. М.: АСТ.

Заостровцев А.П. (2013). Дуглас Норт: постижение истории. Препринт М-32/13. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара

Паршев А.П. (1999). Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М.: Крымский мост-9Д.

Попов В.В. (2011). Стратегии экономического развития. М.: Издательский Дом Высшей школы экономики.

Попов В.В. (2012). Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему сегодня Китай догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 35–64.

Пушкин А.С. (1959). Золото и булат // Собрание сочинений А.С. Пушкина в десяти томах. Т. 2. М.: Государственное издательство Художественной литературы.

Сакс Дж.Д. (2011). Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. М.: Издательство Института Гайдара.

Сэй Ж.-Б., Бастия Ф. (2000). Трактат по политической экономии. М.: Дело.

Тросби Д. (2013). Экономика и культура. М.: Издательский Дом Высшей школы экономики.

Харрисон Л. (2008a). Главная истина либерализма. Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя? М.: Новое издательство.

Харрисон Л. (2008б). Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М.: Новое издательство.

Acemoglu D., Robinson J.A. (2012). Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. N.Y.: Crown Business.

Acemoglu D., Robinson J.A. (2013). Economics versus Politics: Pitfalls of Policy Advice // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 27 (2). P. 173–192.

Acemoglu D., Hassan T.A., Robinson J.A. (2011). Social Structure and Development: A Legacy of the Holocaust in Russia // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 126 (2). P. 895–946.

Acemoglu D., Garcia-Jimeno C., Robinson J.A. (2012). Finding Eldorado: Slavery and Long-run Development in Colombia // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 40 (4). P. 534–564.

Bueno de Mesquita B. et al. (2003). The Logic of Political Survival. Cambridge, Mass.: MIT.

Diamond J. (1997). Guns, Germs and Steel: The Fates of Human Societies. N.Y.: W.W. Norton and Co.

Fund for Peace (2012). Failed State Index-2012. URL: <http://library.fundforpeace.org/library/cfsir1210-failedstatesindex2012-06p.pdf>

Fund for Peace (2013). Failed State Index-2013. URL: <http://library.fundforpeace.org/library/cfsir1306-failedstatesindex2013-06l.pdf>

North D.C., Summerhill W., Weingast B. (2000). Order, Disorder, and Economic Change: Latin America versus North America // *Governing for Prosperity* / Ed. by B.B. de Mesquita, H.L. Root. New Haven: Yale University Press. P. 17–58.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge University Press.

North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. (2013). Limited Access Orders: An Introduction to Conceptual Framework // *In the Shadow of Violence: Politics, Economics and the Problem of Development in Limited Access Orders* / Ed. by D.C. North, J.J. Wallis, S.B. Webb, B.R. Weingast. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1–23.

Robbins L. (1935). An Essay on Nature and Significance of Economic Science. 2nd ed. London: Macmillan.

Robinson J.A. (2006). It's not a Culture. URL: <http://www.cato-unbound.org/2006/12/13/james-a-robinson/its-not-culture>

Sachs J.D. (2005). The End of Poverty: Economic Possibilities of Our Time. New York: Penguin Books.

Sachs J.D. (2012). Government, Geography, and Growth. The True Drivers of Economic Development // *Foreign Affairs*. Vol. 91 (5). P. 142–150.

Андрей Заостровцев

Об историческо-институциональных причинах отставания в развитии:
концепция Асемоглу — Робинсона

Препринт М-34/13

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 13.11.13
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышению квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность. В составе М-Центра работают специалисты, участвовавшие в подготовке книг:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:**
Oil, Gas, and Modernization. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**